

Дмитрий Петров: «Аксенов - человек неисчерпаемой судьбы» | Dmitri Petrov : « Aksenov - un homme d'un destin inépuisable »

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 13.02.2013.

Дмитрий Петров на женевской улице (© Nasha Gazeta.ch)

Московский публицист, автор уже двух биографий Василия Павловича Аксенова побывал в Женеве по приглашению Русского кружка. Тем, кто не смог побывать на вечере, но интересуется автором «Московской саги», «Коллег», «Острова Крым», «Ожога» и десятков других текстов, адресован наш сегодняшний рассказ.

|

Le Cercle Russe de l'Université de Genève a invité le journaliste moscovite, auteur de deux biographies de l'écrivain Vassili Aksenov à présenter ces livres.

Dmitri Petrov : « Aksenov – un homme d'un destin inépuisable »

Круг замкнулся. В том самом Женевском университете, где в 2006 году по приглашению Русского кружка выступал Василий Аксенов, на прошлой неделе состоялся вечер на тему «Василий Аксенов и «Русская Европа»: новое прочтение».

Рассказ Дмитрия Петрова о его любимом авторе – это именно эмоциональный рассказ. То есть нечто большее, чем доклад или лекция, хоть он и прозвучал в университетской аудитории. Он был полон интересных рассуждений о «Русской Европе» и месте в ней Аксенова, исторических параллелей, лирических отступлений, литературных или окололитературных анекдотов, личных воспоминаний. А сопровождавший выступление визуальный ряд, спроецированный на экран, придавал всему законченность отработанного перформанса, несмотря на заверение автора, что эту тему он публично обсуждает впервые.

Представляя гостя, председатель Русского кружка профессор Жорж Нива назвал его медиологом, то есть специалистом по масс-медиа, «которые занимают столько места в нашей жизни и постоянно навязывают нам разные идеи». Но у нас не было ощущения, что Дмитрий Петров пытался что-то навязать – нельзя же навязать любовь. Однако определение «медиолог» ему понравилось, и именно с него началась наша беседа на следующий день, теперь уже тет-а-тет.

Наша Газета.ch: Дмитрий, во время Вашего выступления у слушателей создавалось впечатление, что вы близко общались с Аксеновым много лет. Но оказывается, познакомились вы только в 2004 году.

Дмитрий Петров:

Дмитрий Петров и Жорж Нива (© Kirill Buketov/Nasha Gazeta.ch)

Да, я знаю, впечатление такое создается. И меня этого беспокоит. Потому что коробит многих из тех, кто с ним близко дружил – кто-то всю жизнь, кто-то долгое

время. Я прекрасно понимаю, что некоторые из них воспринимают меня как чужака – какого-то парня, что немного пообщался с Аксеновым, а претендует на роль знатока его жизни. Да, для «подаксеновиков» я не свой. Но ни на что и не претендую (тем более, что я не филолог и не литературовед), кроме искреннего, подробного и увлекательного суждения об одном из сильных мужчин и блистательнейших писателей XX века.

А кто Вы?

Мне, правда, очень понравилось определение Жоржа Нива – медиолог. Но пользуясь более привычным для нас языком, я журналист, публицист... Хотя, пожалуй, эти слова отчасти и утратили в наши дни свой изначальный смысл. Тем не менее, много лет неплохо делая свое дело, я успел побывать во множестве мест, познакомиться с удивительными людьми, поработать с непростыми темами... Смее верить, читателям они были интересны. А мне... Мне было очень интересно жить. Мне и сейчас это невероятно интересно.

Где-то в Интернете я увидела, что Вас называют кремлевским политтехнологом. Это почему?

По двум причинам. Во-первых, когда-то я изучал опыт и методы ведения политических кампаний, в частности – выборов, и сам поучаствовал не в одной подобной операции. Во-вторых, меня связывают многолетние добрые отношения с Глебом Павловским, который и впрямь долго был советником Кремля... Вот и все причины. Но я не спешу с опровержениями... Просто знаю людей, которые были бы счастливы такому ярлыку.

Как возник Ваш интерес к Аксенову?

В 1978 году, когда я учился в 9 классе, мой товарищ Илья Красильщиков дал мне почитать «Круглые сутки нон-стоп» – очерк Аксенова о США, опубликованный двумя годами ранее в «Новом мире». Текст меня потряс. Это был совершенно ни на что не похожий язык. Меня поразили созданный Аксеновым образ Америки. Она была абсолютно не похожа на ту ужасную страну, о которой мы тогда читали в советской прессе, где люди либо спят на улицах в коробках, либо «служат пушечным королям». Выяснилось: огромное число американцев живет интеллектуально богатой, эмоционально насыщенной и творческой жизнью. И вообще – это необычайно любопытная страна.

Конечно, в то

Василий Павлович Аксенов (из личного архива Алексея Аксенова)
м в возрасте я не мог как следует анализировать этот текст, реакция была чисто эмоциональной – но поразило исходящее от него ощущение свободы, рождавшее внутреннюю уверенность: это то, что надо... А для самого-то Аксенова уже был на подходе мятежный альманах «Метрополь». И лишь пара лет отделяла его от отъезда из СССР.

А как вообще могло случиться, что этот текст был у нас опубликован?

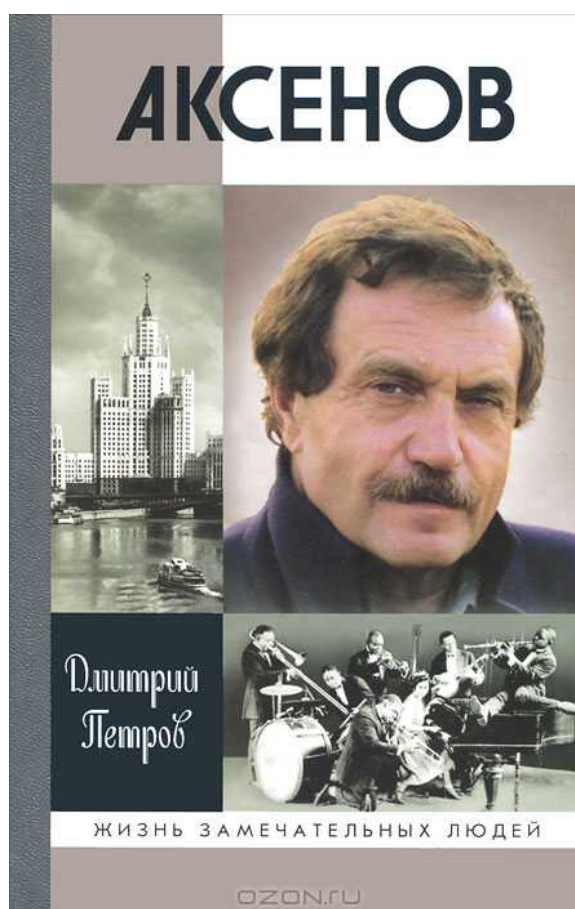
Так ведь то было время *détente*, разрядки... Ведь и «Голос Америки» избегал слишком резкой критики советского режима. Отпускали многих желавших уехать. США и СССР обменивались писательскими и научными делегациями. Стыковались «Союз» и «Аполлон». Тогда многое на короткое время стало дозволено, а потом – запрещено. Правда, в советское журнальное издание, естественно, не вошел анекдот, как во время встречи в космосе советского и американского кораблей космонавт Алексей Леонов говорит астронавту Томасу Стаффорду: «А у вас там случайно не найдется лишнего места?». А вот в версиях очерка, публикуемых сейчас, эта история есть.

И Вы «подсели» на Аксенова, как выразилась бы сегодняшняя молодежь?

Именно так. Я стал расспрашивать кого мог: что это за автор такой? Есть ли у них его книги? Не дадут ли еще что-нибудь почитать?

И мне давали. Книги, журналы... Например, две книги для подростков – «Мой дедушка - памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Надо сказать, они были очень непохожи на обычную тогдашнюю советскую литературу для юношества. Я никогда прежде не читал ничего подобного и вновь был поражен ощущением свободы, живущим в этих книгах. Главным героем там был пионер Гена Стратофонов, путешествующий по свету и совершающий благородные дела. Он оказывался то в Японии, то на экзотических островах архипелага Большие Эмпирей, то в Лондоне, то в аэропорту «Шарль де Голль»... То сражался с пиратами, то спасал островитян... И очень тогда хотелось тоже поплыть в экспедицию на корабле «Алеша Попович», прилететь в парижский аэропорт, одолеть пиратов южных морей! Сила книг Аксенова была в сокрушительной фантазии автора, который в своих прекрасных

историях дарил соотечественникам глоток свободы. Хотя бы воображаемой. И сам Аксенов был человеком, абсолютно приверженным свободе, и тосковал по ней, живя в СССР.

Кстати, через десятки лет пионер Гена (Геннадий) превратился в бизнесмена Гена (Ген) Стратофонтова в романе «Редкие земли». Многие в нем видят (и, пожалуй, не без оснований) Ходорковского. Например – адвокат из Чикаго Юлия Бикбова, посещавшая лекции Аксенова в Университете Джордж Мэйсон, а потом работавшая в команде юристов подсудимого Ходорковского. По пути в Москву, на процесс, она читала «Редкие земли». И обращаясь к подсудимому, чуть не назвала его «Ген»...

Почему Вы написали две книги об Аксенове? Не удалось все уместить в одну?

Не удалось. К серии «Жизнь замечательных людей» (а именно в ней вышла первая книга, «Аксенов», приуроченная к его 80-летию) издательство «Молодая гвардия» предъявляет определенные требования. ЖЗЛ – это особый формат. Не рекомендуется играть с текстом, с гипертекстом. А я хотел завершать каждую часть своеобразным «Отзвуком «Сентиментального путешествия», как бы «наигрывая», «напевая», в том числе, и о моей семье, и о себе самом. Но сделать это не удалось. Как не удалось вместить всё, что хотелось сказать об Аксенове в отведенный объем. Но я очень признателен «Молодой гвардии»! Прежде всего, за то, что это издательство открыло мне двери в мир, где живут авторы книг. И потом, Аксенов человек такого огромного таланта и такой неисчерпаемо богатой судьбы, что уже через несколько дней после сдачи рукописи стала появляться новая информация о его жизни. И еще, еще, еще... Новые люди, новые интервью... И всем хотелось поделиться.

Ведь что происходит? Работа над книгой заняла полтора года. Полтора года

напряженного чтения, обильного общения с людьми. Но вот книга написана, сдана в издательство. А общение продолжается. И чтение продолжается. И поиск. Всплывают новые факты...

Так что, ожидать и третью книгу?

Давайте подождем. Но все может быть! Правда, наверное, она будет уже не только об Аксенове. Но и о нем тоже. Меня сейчас увлекает тема «Русской Европы», и она, конечно, шире творчества одного Аксенова, хотя, при всем его богатстве и многообразии, он остается одним из столпов этого «виртуального континента». Это – необъятная тема. Сначала я думал о проекте, который включал бы работу над биографиями и политиков, и философов, и писателей... Но, похоже, ограничусь писателями. Придется взять себя в руки.

Слушая Ваше выступление на Русском кружке, я была приятно удивлена тем, что говоря об очень многих покойных и здравствующих людях, Вы ни о ком из них ни сказали худого слова. Наоборот, то и дело звучало «не хочу никого обидеть». В наше время такая доброжелательность редкость, а потому требует объяснений.

Я просто стараюсь ценить людей, которые сделали мне благо. Даже если потом было и что-то неприятное, но не какая-то вопиющая подлость, конечно. Неприятное можно простить, а благо надо помнить. Я предпочитаю говорить о людях хорошо. Верю, что это отзовется.

Спасибо вс

Дмитрий Петров об Аксенове (© Kirill Buketov/Nasha Gazeta.ch)

ем, кто помог мне с книгами. Хотя поначалу иные отнеслись к этой затее без энтузиазма. При нашей первой встрече давний друг Аксенова писатель Кабаков Александр Абрамович обдал меня легким холодом... И я его понимаю! А потом мы разговорились на два часа, и с тех пор я не устаю его благодарить за помощь.

Другая история с очень мною любимым Анатолием Гладилиным – одним из немногих оставшихся с нами близких друзей Василия Павловича из тех, еще шестидесятых, годов. С первой встречи он раз за разом одаривал меня ценнейшей информацией. И это продолжается и теперь. Он помог мне безмерно... Когда книга уже вышла, и на

меня стали по поводу и без «наезжать» дамы и господа, именуемые критиками, он пригласил меня выступить на вечере памяти Аксенова в знаменитом ЦДЛ – Центральном доме литераторов. Первым. В очереди людей, куда более известных, чем я. Его отношение всегда было ровно дружеским. Рутинные и не слишком красивые игры литературной среды, ревность, интриги и прочее его не волнуют. Он через все это давно прошел.

Как Вы относитесь к экранизации «Московской саги» в России?

Первые книги Аксенова – «Коллеги», «Звездный билет» - не были написаны с прицелом на экранизацию. Но по ним очень быстро сняли кино. Талант его был таков, что режиссеры за них сразу ухватились. Потом он написал еще несколько сценариев. Мой любимый фильм «по Аксенову» – мюзикл «Пока безумствует мечта». Хотя кому-то он и не по душе.

Над «Московской сагой» он тоже начал работать как над сценарием, получив предложение от американского продюсера. Тут нужно пояснить, что писал Аксенов по-русски, переводить его книги крайне сложно: скажем, в переводе «Затоваренной бочкотары» (Surplus Barrelware) пояснений только чуть меньше, чем текста. Из всех его книг в Штатах лучше всего продавалась «В поисках грустного бэби», а «Новый сладостный стиль» (название в переводе звучало как The New Sweet Style) оказался коммерчески неуспешен.

Но ведь «Новый сладостный стиль» временами трудно читать и русскоязычному человеку, не владеющему английским. Прекрасно помню, что на такую мысль меня навела фраза насчет того, что «как важно быть эрнестом». Отсылка к «Как важно быть серьезным» не всем и не сразу будет очевидна.

Это правда. Думаю, дело тут в том, что Аксенов воспринимал новое поколение 1960-х, лидером которого он себя считал, как действительно новое поколение, которому нужен новый язык. И он создавал для него этот язык. Он был человеком сложным, и это отражается в его языке. Он исходил из того, что люди умнее, чем о них принято думать, и что они его поймут.

Вообще, он, похоже, рассчитывал на такой эффект и упивался им. Я вполне могу представить себе Аксенова, который, написав эдакую заковыристую фразу в «Затоваренной бочкотаре», сам себе торжествующе говорит «YES!!!». И делает подобающий жест. Скажем, я, прочитав «Ожог», какое-то время говорил с интонациями его главных героев.

Но Вы правы: для проникновения в книги Аксенова, кроме, может быть, самых ранних, надо знать контекст.

Но вернемся к «Московской саге».

Да. Со сменой владельцев и руководства в крупном издательстве Random House, которое могло себе позволить культурные проекты, не сулившие особой (а то и совсем никакой) прибыли, и где выходили книги Аксенова, был взят курс на тотальный финансовый успех. А Василий Павлович писал сценарий про историю нескольких поколений российской семьи врачей. Потому что он знал: сценарий успешного фильма – это прорыв на большой рынок американского искусства. Но продюсеры отказались от кинопроекта. И Аксенов остался со сценарием на руках. Что было делать? Ну, конечно, делать из него книгу! И он переписал сценарий в «Московскую сагу». Из которой было так легко вновь сделать сценарий. И его сделали. Но только в России.

Да, фильм состоялся, хотя и несколько лет спустя.

И превратил Аксенова из писателя для интеллигенции во всенародно известного автора. Пример? Пожалуйста. Я летел из Блогоевщенска в Москву, и в пути – а лететь пришлось шесть часов – работал над книгой. Рядом сидел молодой парень и время от времени посматривал на экран моего ноут-бука. А потом взял да и спросил: «Вы ведь книгу пишете? А про что?» Я говорю: «Про Василия Аксенова. Знаете такого?» А он:

«Конечно. Это ж по его книгам сняли «Московскую сагу».

Я смотрел сериал с огромным удовольствием. Это действительно очень интересное, хорошее кино.

Думаете ли Вы, что поколения, родившиеся и выросшие после Аксенова, будут использовать его книги, в том числе, и как «учебники по истории», находя в них сведения о том, что было или могло быть. Я имею в виду «Остров Крым», например.

Почему бы нет? Человек, взявший почитать «Остров Крым», вполне может заинтересоваться, ну, скажем, «Ледяным походом» Белой армии. Начнет выяснять, что-то новое узнает. Например, что их было два. А глядишь, и задумается о той прекрасной – другой – России, которую описал в «Острове» Аксенов. Это не значит, что он обязательно будет критиковать Россию нынешнюю. Но хорошо уже то, что станет желать России будущей.

А как Вы относитесь к критике?

Как и любой человек, я не люблю, когда меня ругают публично. Но если критика серьезная, а не ругань ради ругани, то стоит прислушиваться к тому, что пишут достойные люди. И я всегда пытаюсь вынести из этого не слишком приятного чтения что-то полезное.

Штука в том, что порой критики и впрямь несправедливы. Но они были так же несправедливы к Аксенову. И это его раздражало. Но он всегда находил способ ответить. И не скандалом или интригой. А текстами. И был прав. Согласен и я: это единственный достойный способ, которым писатель может ответить и гонителям, и благодарным читателям.

[университет Женевы](#)
[Русский кружок](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/node/14927>